

A man in a red polo shirt and a woman in a yellow short-sleeved shirt are embracing each other. They are looking at each other with smiles. The background features a large, snow-capped volcano under a blue sky, with a town and a river visible in the lower right. The title 'Страсти у вулкана' is written in a stylized red font across the middle of the image.

**Страсти
у вулкана**

**ЭЛЕН
АЛЕКС**

16+

Элен Алекс

Страсти у вулкана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57096698

SelfPub; 2020

Аннотация

Энни – обыкновенная девушка из провинциального городка. Отличается этот городок от всех остальных маленьких городков тем, что тут живет знаменитый на весь мир писатель. Энни с детства мечтала, чтобы этот человек обратил на нее свое внимание. И однажды это случилось...

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	15
3	28
4	40
5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Часть первая

1

Наш город окружен горами, горы сплошь покрыты лесом, лес напоминает огромное зеленое покрывало – в детстве нам казалось, что на нем спят великаны, и мы старались пораньше проснуться, чтобы увидеть хотя бы одного из них.

Но едва начинало светать, великаны семимильными шагами покидали наши горы. Днем у них было много дел в других местах.

По утрам горы окутаны туманом, этот туман темными струйками поднимается в небо. Кажется, что деревья не спеша раскуривают свои трубки и думают о вселенских тайнах, истинах и загадках.

Величие природы наводит на глубокие мысли. Но этим мыслям трудно существовать в повседневном быте, проблемах и бесконечной суете.

Мир банален, древние истины просты как чашка утреннего кофе. События идут по замкнутому кругу, перемены не спешат озарять жизнь, а ответы на вопросы не думают стучаться в дверь.

А впрочем, что не банально?

Жизнь обростаёт банальностями, банальностями обрастают отношения, все надоедает, вызывает чувство повседневности и тоски. Близкие люди перестают понимать, что ты имеешь в виду, когда говоришь элементарные вещи, и вспоминают о тебе лишь тогда, когда остыл их утренний чай или погорел к черту весь завтрак.

Наш дом находится чуть ли не у самого подножия гор, рядом с нами – лишь дом нашей своеобразной соседки, в городе ее зовут просто Гельхиадихой. Ни кто она, ни чем занималась раньше, ни откуда она родом, этого никто не знает.

Гельхиадиха такая старая. Это обстоятельство позволяет ей думать, что она все на свете знает.

– Все одинокие женщины мечтают только об одном – выйти замуж, – сказала она как-то мне и моей сестре Мине. – Все замужние женщины тоже мечтают только об одном – развестись. То, чего хотят от этой жизни мужчины, – большая и великая тайна на протяжении всех веков от Сотворения мира. – Гельхиадиха немного подумала, буравя нас пронзительным взглядом, и как ни в чем не бывало продолжила: – И вообще, не думайте, что на жизненном пути вас непременно будут ценить и понимать окружающие люди. Этого не будет, – успокоила она, – ведь по большому счету каждый человек – сам по себе, сам за себя и один во всем мире.

Не часто она с нами разговаривала, и это обстоятельство обычно повергало нас с сестрой в стойкое уныние. Наши дома разделяла широкая дорога, но Гельхиадиха перегнулась

через ограду и выразительно шамкала губами в нашу сторону. И, не беспокойтесь, мы слышали каждое слово.

А потом она порылась в карманах передника и достала два свежих наливных красных яблока. Была ранняя весна, ядовитый сад Гельхиадихи только зацвел, где она брала свои свежие яблоки круглый год, не знал никто в городе.

Гельхиадиха добродушно протянула нам отравленные яблоки, но это было уже совсем ужасно. В тот же миг мы с Миной с криком кинулись к своему дому.

Эта Гельхиадиха на протяжении семи веков колдунья. Все Гельхиадихи – колдуньи. Как увидите какую Гельхиадиху, так знайте, что она колдунья от самого Сотворения мира.

Родители говорят нам, чтобы мы попусту ничего не сочиняли, вранье еще не украсило ни одного человека. Но мы с Миной и сами прекрасно знаем, что на того, кто врет, камни падут среди бела дня, а потому нас с сестрой не так-то просто заставить говорить неправду взрослым.

А что касается камней, так они действительно однажды упадут, но только не с неба, а с соседней горы. И будет это тогда, когда наш Ойдаг наконец проснется.

Ойдаг – местная достопримечательность, наш спящий крепким сном вулкан, все более чем просто. Так что однажды миру надоест спокойствие, и настанет время больших перемен.

Но какое тут спокойствие, если в городе – своя собствен-

ная колдунья. С самого раннего детства мы знали, что после заката или на рассвете, а еще хуже – в дождь даже смотреть в сторону дома Гельхиадихи нельзя, а уж тем более оказаться рядом с его оградой.

В тот же миг за тобой покатятся отравленные яблоки, цветы поникнут в твою сторону. А с деревьев слезут неведомые существа и будут гнать тебя до самого дома.

И это еще в лучшем случае. В худшем – они догонят тебя, схватят и утащат в свое логово, а что там с тобой будет, никто из нас даже представить не мог.

Родители ругали нас за такие рассказы. И после захода солнца нам не раз приходилось наблюдать, как кто-нибудь из них храбро шел мимо зеленой ограды Гельхиадихи.

Но мы прекрасно видели, что в сторону ее дома они все равно не отваживаются взглянуть. А вслед им потом еще долго кто-то хохочет с деревьев, это мы тоже прекрасно слышали.

Каждые сто лет Гельхиадиха начинает жить заново. Она вновь и вновь возрождается из магмы, а потом на протяжении целого столетия упивается жизнью.

Потому-то все в городе вот уже несколько лет так уверены в том, что спящая гора вот-вот проснется. Все говорят, что Гельхиадихе уже давно сто лет, и на этот раз она «что-то задержалась».

И, когда сойдут потоки лавы, только Гельхиадиха, упиваясь счастьем, будет купаться в ее ужасающих потоках. А по-

том она построит себе отличный дом и разобьет новый сад на застывающей магме.

Она будет выглядеть моложе и будет радостно приветствовать новых исследователей очередного разгула Ойдага, спящей горы.

Это сейчас город протянулся далеко вниз по реке, а раньше здесь была одна только сейсмическая станция, которая наблюдала за Ойдагом, спящей горой. Но когда сюда приехали первые сейсмологи, здесь уже жила Гельхиадиха, и она уже была старухой.

Вулкан и не думал просыпаться, а люди начали обустраиваться. Они привезли самых близких и любимых родственников, потом – не совсем близких и не совсем любимых. Затем к ним приехали просто знакомые, осели проезжие туристы. Люди перегородили реку, построили школу, больницу, кинотеатр, рестораны и закусочные, много магазинов.

Со скоростью света город стал спускаться вниз по реке, как будто горы и долины, сплошь покрытые вековыми лесами, только этого и ждали. Снежные вершины с ледяным спокойствием наблюдали за людьми, и вежливые улыбки таили их уста: они знали, что у них есть Ойдаг.

И когда устанут они, то вместе с ними устанет и он. А потом он вздохнет и слегка потянется.

И этого будет достаточно. На город сойдут камни, и в мире наступят небольшие перемены. А потом все опять вернется на свои места.

Наш дом стоит на краю города. Вернее, он второй от начала, дальше нас лишь дом Гельхиадихи, а за ним – пустошь, поросшая маленькой травкой, точного названия которой никто не знает, каждый зовет ее по-своему. А дальше – поворот реки и густой лес, наползающий на горы.

На повороте реки есть тихая мелкая заводь, но сама река быстрая и холодная, она сбегает прямо с гор. По весне тают снега, вода доходит до самых палисадников, но выше – за ограды, к домам, никогда не поднимается, это проверено годами.

А в заводи никто не купается, она заколдована и все тут.

Лес разделяется рекой на две половины. Наша половина леса все больше вырубается, город лезет на гору. А чтобы попасть в ту половину леса, что за рекой, надо изрядно проехать к центру города до самого моста.

Наши прадеды и прабабки были одними из первых молодых мечтателей, которым не сиделось под теплыми крышами родителей, и они примчались в эти затаенные места радостно бороться с трудностями, покорять природу, нападать на лес и воевать с рекой. Они основали местное кладбище, заложили первый церковный камень, построили мост через реку.

А потом они написали на искусственном пергаменте пожелания и наставления потомкам, положили пергамент в какую-то нержавеющую колбу и закопали ее на самом видном

месте, которое и так было всем прекрасно видно, а потому это место никто не додумался нанести на карту города.

Но город рос, все изменилось, и никто не успел опомниться, как все напрочь позабыли, где это видное место сейчас находится. И теперь оно – то ли под зданием больницы, то ли под зданием муниципалитета.

Добавлю, что сейчас весь город мечтает переехать куда-нибудь еще, да что-то держит людей именно в этом месте. Среди сосен и лесов, у подножия самого настоящего вулкана.

Наши родители владеют небольшим фотоателье в центре города. Я знаю, что в молодости они мечтали снимать полнометражные фильмы и быть прославленными режиссерами.

Но сейчас эти мечты остались где-то так далеко позади, что, думаю, если кто-либо напомним об этом моим родителям, они даже не сразу поймут, о чем, собственно, идет речь.

– В жизни надо выбирать главное, – обычно говорит наша мама, – а главное, что у меня трое детей, добрый и понимающий муж, и мы живем среди изумительной природы.

И она начинает восторженно смотреть на покрытые лесом горы, которые видны из каждого окна нашего дома.

Мама всем своим видом показывает, что жизнь в маленьком провинциальном городке – это ее собственный моральный и духовный выбор. И что все жители загазованных мегаполисов спят и видят, как бы переехать поближе к эдакой красоте, да только никак не могут найти время, чтобы это сделать.

Меня зовут Энни, мы с Миной близнецы, но совершенно не похожи друг на друга. И люди обычно бросают свои важные дела и кидаются изучать в нас окончательные следы различия, внешние, психологические, ну хоть какие-нибудь, любые.

Людам свойственна радостная вера в то, что чудес не бывает, симметрии не существует, похожих людей они рассматривают как природную аномалию.

Третью нашу сестру зовут Анной, и ее взгляды на этот мир всегда были непроходимо далеки от наших с Миной. Мы никогда не держали с ней общей точки зрения на один предмет, то, что считали нормальным мы, не могла принять она, а то, что считала правильным она, было выше нашего с Миной понимания.

Мы с Миной обычно любили повергать ее в стойкое изумление какими-нибудь обыденными фразами типа: «Жизнь – это большой диалог с межзвездным пространством». Это надолго выбивало нашу Анну из колеи ее сиюминутных размышлений.

Зато Анна всегда была на стороне наших родителей, она считала нас с Миной малыми детьми, а себя – уже уставшей от жизни мудрой тетей. Хотя нам с Миной было уже шестнадцать лет, а Анне – всего лишь восемнадцать.

В детстве мы с Миной были водой не разольешь, но потом начали отдаляться друг от друга, это закон, с ним ничего не

поделаешь. Никто не будет с упоением торчать рядом с вами всю вашу жизнь, разделять взгляды, поддерживать начинания, радоваться успехам, хвалить по пустякам. Никто и никогда не согласится с вами, что он не так понял вас, предал, подвел. Никто и никогда не поймет вас так, как понимаете себя вы сами. Никто не пойдет вам навстречу и не полюбит вас, как себя самого.

А потому молчите и ничего не говорите. Разговаривайте с людьми о компьютерах, облаках на небе и цветах в вашем саду. Ведь никто и никогда не расскажет вам, почему наши чувства оканчиваются разочарованием, законы жизни нельзя разложить по полочкам, а любовь так бессрочна и коротка.

Наша жизнь – это то, что мы имеем сегодня и сейчас, а не то, что хотим иметь в далеком и неизмеримом будущем. Однажды родившись, мы мечтаем о многом, а получаем лишь свой удел.

И, чтобы свернуть не на ту дорожку, нужно всего несколько мгновений. А чтобы найти истинный путь, порой требуется вся жизнь.

Представьте себе, что вы – музыкант, пианист, а ваша жена хочет, чтобы вы продавали ботинки. И вы продаете эти самые ботинки. И никто на свете не знает, что вы никогда не забываете о том, что вы – музыкант.

Или вот еще история. Живет семья. Муж, жена, дети. Живут прекрасно, дружно, весело. Муж работает, жена работает, дети учатся, по вечерам все собираются у камина. Все

вместе встречают рассвет, восторгаются закатом, по ночам любуются на звезды, утром просыпаются и поют. Все отлично.

Но есть одно «но». В душе глава семьи – грабитель банков. Прирожденный грабитель банков.

Нет, еще ни одного банка он не взял. Он еще и сам не подозревает о том, кто он на самом деле и что тут что-то не так.

Но он смутно чувствует это. Всегда.

Просыпаясь по утрам, по дороге на работу и с работы, вечером за ужином, делясь дневными впечатлениями с семьей у камина, он постоянно чувствует, что с ним что-то не так.

А в центре их города есть банк. Огромный банк. И однажды наш глава семейства не приходит вечером домой. Потому что он «берет» этот банк.

Правда, «берет» не один. С ним двое таких же ничем не примечательных парней, которые тоже всю жизнь что-то чувствовали.

И у них все получается, они набивают свои мешки деньгами, убирают следы, веревки, отмычки. Они собираются на крыше этого огромного банка и ждут вертолет.

И ветер обдувает их счастливые и усталые лица, они спокойны и уверены в себе. Они – герои, и они наконец-то совершили тот поступок, который и был им на этой земле предназначен.

И к ним спускается вертолет. Но это не их вертолет, это

– полицейский вертолет.

Когда их вели в тюрьму, их загорелые лица обдувал тот же ветер, а над головами светило солнце. Их родственники и родные поддерживающе смотрели на них, а жены украдкой вытирали слезы и думали о том, что мужья испортили им жизнь, а в их возрасте уже так трудно начинать все заново.

И только их малые дети смотрели на них с гордостью и восторгом. Их отцы сделали в своей жизни то дело, для которого однажды и были рождены.

Вот и вся история.

Чтобы найти себя в этом мире, людям порой требуется вся жизнь. А вы хотите, чтобы у вас сразу же нашлись ответы на все ваши вопросы? Ну что вы, мои милые, об этом порой приходится только мечтать.

История, которую я хочу вам рассказать, так до сих пор и остается большой загадкой для всех сплетников нашего города. Эта история еще долго будет беречь сердца наших обывателей.

Еще долго местные сплетницы будут радостно говорить друг другу при встречах:

– Ну, что я тебе говорила?

– А я тебе что говорила?

Но что бы они все понимали? А потом у них появится что-нибудь новенькое, и они забудут и это.

Эта история Марка Роснана и Даниэль.

Даниэль влюбилась в Марка Роснана в шестнадцать лет. Она переехала в наш город, и совершенно случайно они с матерью купили дом рядом с домом Марка Роснана.

– Тебе крупно повезло, – сказали ей все девочки нашего класса, – мы бы все отдали, чтобы жить в доме рядом с домом Марка Роснана.

– А кто такой Марк Роснан? – спросила у девочек Даниэль.

В тот же день она увидела Марка Роснана в окно своей комнаты. Он устраивал вечеринку прямо в саду, и всю ночь небо над городом озарялось разноцветным фейерверком, а

клумбы с цветами орошали брызги дорогого шампанского.

На следующий день я совершенно случайно оказалась рядом с Даниэль.

– Энни, – сказала она мне, – признайся, ты умеешь хранить тайны?

– А как же, – призналась я, – я лучше всех в нашем городе храню всякие тайны.

– Никому не скажешь? – недоверчиво спросила Даниэль.

– Никому, – заверила я.

Тогда Даниэль сказала:

– А он действительно ничего.

– Кто? – не поняла я.

– Этот ваш Марк Роснан.

Я опешила.

– О мой бог, – только и сказала я.

Как и все в нашем городе, я тоже сходила с ума от этого невыносимого Марка Роснана. У нас в городе полагалось сходить от него с ума.

Марк Роснан был достопримечательностью нашего города.

Но я не была ни умна, ни талантлива, ни потрясающе красива. И мне было до Марка Роснана, как до центра земли.

Но Даниэль доверила мне свою тайну, это накладывало на меня определенные обязательства. Она выделила меня из толпы, и я уже не могла делать вид, что все идет, как прежде.

– Ничего в нем такого особенного нет, – сказала ей я.

Даниэль удивленно посмотрела на меня.

– Тебе было плохо видно из окна, – пояснила я, – там же такое расстояние.

– Что ты, – улыбнулась Даниэль, – он из тех людей, которых замечаешь с любого расстояния.

Пару секунд я размышляла.

– Он погубит твою жизнь, надорвет сердце, лишит мечты, а потом отвернется и позабудет о твоём существовании навсегда, – сказала я.

Даниэль опять улыбнулась.

– Он немного подождет, пока я вырасту, – сказала Даниэль, – а потом женится на мне, и мы не расстанемся с ним никогда.

– В этой жизни надо стремиться к более достойным целям, – сказала я, – мечтать о том, что на тебе женится какой-то Марк Роснан, слишком примитивно.

– Если на мне женится Марк Роснан, – сказала Даниэль, – все остальные загадки мира будут у меня в руках.

Это было уже слишком, больше в тот день я с ней ни о чем не разговаривала. Но и Даниэль тоже с тех пор не обмолвилась об этом ни словом.

– Что она тебе тут говорила? – сказала мне моя сестра Мина.

– Ничего, – спокойно ответила я, – она такая же, как все.

Больше всего в этой жизни меня интересуют писатели

и хирурги. По-моему, только эти люди не такие, как все остальные.

Хотя о чем это я? Ведь я ничего толком не знаю ни о писателях, ни о хирургах. Но я чувствую.

Мне кажется, что они живут в других измерениях. Им не подвластен быт, не интересуют мелочные проблемы, не волнует наличие продуктов в холодильнике, не раздражает марка их машины, не угнетают познания соседей в области культуры человеческих отношений.

Зато им подвластно Нечто. Им подвластно то, о чем простой нормальный человек даже не подозревает.

Но они, писатели и хирурги, с этим Нечто на «ты». Ибо это и есть их мир, их территория странствий по этой жизни, счастье познания и их печаль.

Только подходят писатели и хирурги к этому своему необычному миру по-разному. Одни – со стороны души, а другие – со стороны плоти.

А больше я ничего о них пока не знаю.

Город у нас не такой уж и большой, развлечений – по пальцам пересчитать. Все знают, кто и что скажет завтра утром, кто о ком думает сегодня ночью и на какой фильм все пойдут в городской кинотеатр в следующее воскресенье.

Все друг друга знают настолько, что видеть уже не могут. Но и не видеть тоже не могут. А как же они ничего ни о ком не будут знать? Такая вот тоска.

Так что приходится заниматься собой. Самосовершен-

ствоваться и самоутверждаться в своем собственном неповторимом мире.

Я за всеми наблюдаю, все учитываю и скоро напишу о них всех большой роман. Надо только получше запомнить разнообразные мелкие детали, чтобы все было естественно и натурально, а то миллионы читателей не поверят ни одному моему драгоценному и уникальному слову.

К своим шестнадцати годам я накопила достаточный запас прочности, приличную сумму знаний о жизни и бесконечный список претензий к действительности. Как ни странно, но я считаю, что именно в маленьких городах люди находятся в ладу с самими собой.

В больших городах им просто некогда заглянуть в собственную душу.

А еще к шестнадцати годам я уже подозревала, что человеческая жизнь может запросто уместиться в одну книгу, которую можно не спеша, между делом прочесть за два дня. А через неделю ничего из прочитанного уже не вспомнить.

Кое-какой накопленный личный опыт помог мне сформировать некоторые жизненные тенденции, в правоте и неоспоримости которых я не сомневалась. А потому именно эти истины я ожидала встретить однажды на своем легком, усеянном лаврами и розами жизненном пути.

Вот эти истины.

Жизнь существует только для счастья. Ничто не должно омрачать путь человека. Слезы должны литься только от ра-

дости. Все в жизни должно получаться и нравиться. Никто никогда не должен печалиться и чего-то безрезультатно годами ждать. А самые безрассудные мечты должны немедленно претворяться в реальность.

И однажды, усевшись на крыльце своего светлого и солнечного дома, я стала терпеливо ожидать претворения в действительность всех моих наивных мечтаний, истин и надежд.

Но время шло, а с неба не падали цветы. И навстречу мне не выбегали люди, которые окончательно меня понимают.

Мечты не становились реальностью, а счастье так и не воплощалось в действительность. День сменяла ночь, а утром приходил следующий день.

Некоторые видения поутру еще слабо маячили у горизонта, но уже спустя некоторое время они тоже отступали куда-то вдаль, видимо, до лучших времен. Ждать чего-либо дальше было глупо и бессмысленно.

К тому же каждый день надо было посещать школу, чтобы как-то отличить время действия от Времени Бессмысленного Ожидания Хоть Каких-то Перемен.

И вот тогда-то, в один прекрасный день и миг, я придумала себе одного человека, который понимал меня, как никто другой. Который жил так же, как я, думал так же, как я, и мечтал о том же, о чем мечтала я.

И этим человеком был Марк Роснан.

Для того чтобы не удивлять вас своим необыкновенным

выбором, сейчас все объясню. Марк Роснан был единственным в своем роде, уникальным человеком в нашем городе.

Марк Роснан был писателем.

То есть по большому счету он был нашим общественным достоянием, предметом гордости, объектом чаяний и надежд. Если же подходить к этому вопросу чисто субъективно, то я могу сказать о нем только одно: все, о чем я думала, он писал.

Зная его творчество и постоянно наблюдая за ним со стороны, можно было сказать, что он что-то пережил или кого-то потерял. Но нет.

Он ничего не пережил и никого не потерял. Он просто подобрал в себя некую мудрость мира, разгадки тайн и ответы на все вопросы.

Все, к чему вам нужно было прийти постепенно, путем разочарования, ожидания, потери и страдания или, наоборот, великой радости, все это уже было в его произведениях. Он был человеком, который уже все постиг, открыл и проанализировал.

Марку Роснану было тридцать пять лет. Возраст ни туда ни сюда. И подростком себя вроде как несолидно ощущать, и к слишком взрослым людям трудно относить. Весьма сложный, непонятный и проблемный возраст.

А впрочем, что могли судить об этом возрасте мы, шестнадцатилетние? Эта цифра находилась за гранью нашего понимания.

А о возрасте Марка Роснана вообще не могло идти никакой речи. Марк Роснан просто был нашим кумиром, эталоном, примером, идеалом и все.

В детстве очень легко создаются кумиры, эталоны и идеалы. Стоит кому-нибудь хоть чем-то отличаться от других людей, и за ним уже готовы хоть на край света идти все остальные.

А Марк Роснан уже был не таким, как все, человеком, хотя бы потому, что он был писателем. Писателей не часто встретишь. Природа писателями не разбрасывается. Она на них экономит.

И примерно на каждый маленький городок приходится всего один писатель.

В произведениях Марка Роснана не было того, что обычно есть во всех романах. У него не было любимой всеми писателями проблемы непонимания поколений, бытовых коллизий и политических интриг. Люди в его произведениях уверенно вступали на дорогу жизни, открывали законы существования, постигали мировые истины и приручали свое счастье.

У него не было упоительного описания быта, подробного отчета о предметах обстановки, где, на каком столике какая стояла коробочка или шкатулочка, работы какого мастера, какого года выпуска. Одежде какого модельера герои отдают предпочтение, какой фирмы часы они носят, какие компьютеры стоят у них на столах, какие машины умиротворенно дремлют в их гаражах.

И таких расхожих выражений у него не было:

– Это не мои проблемы!

– Дай мне еще один шанс!

– Он сделал это, поддержите его!

И таких пустых диалогов тоже не было:

– Ты уверен в этом?

– О да, я уверен в этом!

– Ты действительно уверен в этом?

– О да, я действительно уверен в этом!

И еще раз, с самого начала.

Или:

– Это правда?

– Да, это правда!

– Это действительно правда?

– Да, это действительно правда!

Ничего подобного в романах Марка Роснана вы не найдете.

Он писал о том, что находится внутри каждого из нас. Он писал о чувствах.

Люди в его произведениях были далеки от быта, мелкой суеты, приземленности и обыденности. Марк Роснан писал о подсознательном восприятии жизни и нереальном видении мира. И именно это видение порой позволяло его героям найти ответы на все вопросы бытия, постичь многие тайны и отгадать загадки.

Иными словами, можно сказать, что Марк Роснан писал

о любви. Но не все было так просто. И хотя официально миром правят большая и малая политика, и произведениям о политике в этом мире легче существовать, они быстрее находят дорогу к благодарным читателям, романы Марка Роснана действительно захватывали абсолютно всех.

Ведь он писал о любви так, будто знал о ней все, и знал лучше всех других людей на свете. И никто с этим ничего не мог поделать.

Потому что по каким-то неизвестным причинам он действительно знал об этом все. И ни один писатель, писавший «всего лишь какие-то мелодрамы», как выражались особо агрессивно настроенные критики, не был так популярен на протяжении столь долгого времени, как Марк Роснан.

Произведения Марка Роснана были известны во всем мире. Так получалось, что каждый новый роман он писал примерно полгода своей жизни.

Эти романы не были утомительно длинными, в них каждое слово было к месту, каждая фраза несла законченный смысл, каждый герой оставлял свой след в вашем сердце, осторожно и навсегда.

Воспринимать эту жизнь как данность может любой и каждый. А вы попробуйте отыскать в этой данности глубокий и оправдывающий смысл.

И красиво говорить сейчас умеют многие. А всем ли в голову может прийти такой сюжет и такие мысли, от которых хоть на миг остановилось бы чье-то сердце?

Марк Роснан даже со словами в своих произведениях мог творить все, что угодно. Описывая что-либо, он мог ставить рядом совершенно противоположные по смыслу и по значению слова, и все они были на своих местах.

Выходило так, что он даже названий городов, где все происходило, никогда не упоминал. И потому в каждой стране и в каждом городе люди могли думать, что все эти события произошли именно у них.

Марку Роснану не нужно было придумывать какие-то небывалые трагедии для того, чтобы увлечь своих читателей. Нет. Вся соль его романов была в том, что главная трагедия всех людей и так была известна всем и каждому.

И этой трагедией было одиночество.

А Марк Роснан дарил людям сказку. Люди в его романах всегда отыскивали счастье, их мечты сбывались, а планы претворялись в жизнь.

И всем, кто читал его романы, казалось, что в их жизни однажды все будет именно так.

Так что в нашем городе был свой собственный вулкан, своя колдунья и свой писатель. Но Ойдаг спал и в ближайшее время не думал просыпаться, Гельхиадиха большей частью сидела у себя в доме, и все уже начинали сомневаться: а колдунья ли она на самом деле?

Марк Роснан же постоянно вводил людей в смятение своими взглядами на жизнь и произведениями. И интерес к

нему не ослабевал ни на минуту. Ведь Марк Роснан и сам был тайной, которая влекла, не давала покоя и требовала хоть какой-то разгадки. И все в нашем маленьком городе были очень горды тем, что именно здесь живет такой известный писатель.

У нас в классе, например, все ученицы только о нем и говорили. Да, я понимаю, что в школе обычно влюбляются в своих ровесников. Но пока в городе был Марк Роснан, нашим парням это не грозило. Словом, мы наделили Марка Роснана всеми качествами героя наших романов и терпеливо ожидали хоть каких-либо событий. И иные события действительно случались.

Мимо кого-то он однажды проехал на машине. С кем-то случайно встретился в центральном магазине. На кого-то мельком взглянул с экрана телевизора во время очередного интервью.

Словом, жизнь неумолимо текла вдаль, и разнообразные мелкие происшествия случались постоянно. А великие события все так же обходили стороной.

А потом в город приехала Даниэль.

Ничего особенного в ней не было: темные вьющиеся волосы, серые глаза, слишком тонкие запястья. А при ближайшем рассмотрении – душа печальной поэтессы и видение мира одинокой художницы. Ничего особенного.

И ее случайный сосед Марк Роснан тоже ничего в ней не мог бы увидеть. В этом можно было даже не сомневаться.

Не буду, однако, умалять иные обстоятельства, Даниэль тоже несколько отличалась от остальных людей. И внешняя сторона этой жизни для нее никогда не играла главной роли.

На уроках истории она никак не могла рассказывать о том, что было до того, как она родилась. Ведь до ее рождения этого мира, видите ли, не существовало. Да и все остальные уроки казались ей несущественными и приземленными, слишком мало значения она придавала мнению и знаниям других.

Учителя сердились и заставляли ее учить все темы по учебникам наизусть. Даниэль рассказывала потом все это, как стихи.

После того как она выделила меня из толпы, я еще, разумеется, старалась вести себя так, как будто ничего не происходит, но мне это плохо удавалось. Даниэль теперь тоже существовала для меня в этом мире, и с этим я уже ничего не могла поделать.

Я замечала ее везде и всюду, на уроках я чувствовала ее даже спиной. И иногда мне казалось, что именно Даниэль в свое время сможет разгадать хоть часть тайны самого загадочного человека в нашем городе.

И теперь мне оставалось только молиться, чтобы она в конце концов забыла вдруг о том, что он ее тоже однажды заинтересовал.

Через некоторое время после того, как Даниэль обратила на меня свое внимание, мы собрались на девичью вечеринку в доме толстухи Люси Надсен. Толстая Люси по такому поводу напекла столько всякой сдобной всячины, что кое-кто из нас пришел к ней все это доедать на следующий день.

Люси Надсен и ее мама – ужасные задаваки и модницы. У них в доме все розовое: и подушки на диванах, и обои на стенах, и плитка в ванных комнатах.

Люси и ее мама считают себя очень женственными, воздушными и привлекательными. И теперь им осталось только дожидаться тонких и впечатлительных мужчин, которые оценили бы их женственность и уникальность.

Полным людям легко живется на свете, они понимают, что есть вещи, которые от них не зависят, и что этих вещей в мире полным-полно. И потому они не слишком обольщаются всякими целями, планами и мечтами, а просто наслаждаются жизнью.

Вот так и Люси была дружна со всеми. Все доверяли ей сокровенные секреты и понимали, что лучшего склада для людских радостей и страданий, чем широкая душа Люси, не найти. Люси жила проблемами других людей. Ведь своих событий в ее жизни практически не было.

Так вот, мы собрались в доме Люси Надсен, заставили столы тарелками с булочками, эклерами и другими пирожными, вооружились чашками с горячим чаем и стали сплетничать.

– Мне нравится один мальчик из параллельного класса и два из выпускного, – сообщила нам Люси Надсен, эффектно откусывая большой кусок пирога.

Заявление так себе. Но так как мы все тут едим ее угощение, нам пришлось воодушевленно и радостно покивать головами.

– А сама я нравлюсь трем мальчикам с соседней улицы, – совсем разошлась Люси.

Это была информация, которую никак нельзя было немедленно проверить, и если мы сейчас это допустим, то наша толстая Люси в следующий раз бог знает что еще придумает. А потому мы все одна за другой отложили в сторону булки и эклеры и устроили Люси и ее такому праздничному столу молчаливый сидячий протест.

Люси поняла, что заявление было выпущено в свет рановато, надо было дождаться более располагающей обстановки.

– Ну мне так кажется, что я им нравлюсь, – замялась она. Гости с облегчением вздохнули и вновь принялись за еду. Следующей выступила длинная, худая, без какой-либо изюминки Джуди Ноуз.

– После школы меня берут вне конкурса в одно рекламное агентство, – поделились с нами невыразительная Джуди.

– Хочешь, угадаем кем? – предложили мы.

Джуди зарделась, она думала, что мы угадаем. Не тут-то было.

– Горничной? Курьером? Разносчиком рекламных объявлений? – гадали мы.

– Разумеется, моделью, – положила конец нашему веселью Люси Надсен.

На прошлой неделе Джуди помогла Люси справиться с трудной задачей по математике. А то бы мы еще долго гадали, ведь мы ничем не были обязаны нашей такой невыразительной новой модели.

– Вчера Гельхиадиха опять плескалась в своей заводи, – решила сменить неприятную тему гостеприимная Люси. – Энни, Мина, вы видели ее вчера?

– Почему мы должны были ее вчера видеть? – чуть не поперхнулась чаем моя сестра Мина.

Еще никому эту Гельхиадиху не хотелось увидеть купающейся в ее заводи.

– Потому что ее заводь находится практически за вашим домом, – пояснила Люси Надсен.

– Она не за нашим домом находится, а в стороне, – запротестовала моя сестра, – гельхиадинская заводь находится за домом Гельхиадихи.

– Но дом Гельхиадихи – рядом с вашим домом! – не унилась Люси.

– Не рядом, там еще дорога! – не сдавалась Мина.

– Дорога не считается, – спокойно сказала Люси.

То обстоятельство, что дом Гельхиадихи находился по соседству с нашим домом, всегда добавляло в нашу с Миной жизнь некоторую дозу беспокойства и изысканности. Люди обожают ощущение сказки и чувство страха, большая часть рассказов о кознях Гельхиадихи – народные выдумки, которые ежедневно дополняются и отшлифовываются, ведь никто еще ни разу не застал ее на месте преступления.

Ну искупалась она там в своей заводи как-то пару раз в самую жару, ну отравился в городе кое-кто именно красными яблоками, и случилось когда-то еще кое-что – ну и что? И обо всем этом надо было непременно бежать и спрашивать нас с Миной: а знаем ли мы дополнительные подробности, не будем ли добры уточнить некоторые детали?

– Она ведь только в полнолуние в этой своей заводи обычно купается, – сказала Лили Найт, – а сейчас разве полнолуние?

И эта туда же.

– Она купается там на все четыре фазы луны, – со знанием дела заявила Люси Надсен, – и на полнолуние, и на четвертинки.

У моей несчастной сестры Мины совсем аппетит пропал, мне даже ее жалко стало, нельзя же так реагировать на любую светскую болтовню.

– Какие еще такие четвертинки? – вытаращилась Мина.

– Хватит чепуху молоть, – сказала наконец умная Кол-

ли Биррит. – Всякое колдовство носит научное обоснование, еще никто ни разу не застал Гельхиадиху на месте преступления, все только сказки друг другу про нее рассказывают.

И мы все ненадолго замолчали, эстетично поднося к губам чашки с горячим чаем и старательно обдумывая, кого бы еще сегодня как-нибудь поддеть.

Даниэль сидела в отдельном кресле, подносила к губам чашку с горячим чаем и делала вид, что рассматривает журнал по ведению домашнего хозяйства. Есть такие тонкие натуры, которые ничего не едят ни на людях, ни наедине с собой. Они – эфир, мираж, неопределенность.

И их никогда не интересуют ни сплетни, ни мнение других людей. Ни уж тем более – журналы по ведению домашнего хозяйства.

Я попыталась немного подумать о том, зачем же тогда это все здесь и сейчас. Эта комната, столы, горячий чай, жующие рты, такая толстая Люси Надсен со своими булочками, такая тонкая и наблюдательная я, и эфемерная Даниэль, делающая вид, что она такая же, как все. Как тут вдруг кто-то сделал погромче звук телевизора.

И мы опять увидели его.

Его снимали в аэропорту, едва ли не у трапа самолета. Ветер трепал его непослушные волосы, солнце светило ему прямо в глаза. Он, как обычно, куда-то улетал или откуда-то прилетел.

– Это наш известный не только у нас писатель, – сообщило местное телевидение.

Марк Роснан всегда выглядел эффектно. Темные волосы, синие глаза. Он носил светлые костюмы и рубашки. Запонки, галстуки, все как надо, он был идеален всегда.

Марк Роснан улыбнулся, и все встало на свои места. Журналисты окружили его тесным полукольцом.

– Марк Роснан, – спросили журналисты, – вы сейчас пишете что-нибудь?

– Я всегда что-нибудь пишу, – сказал Марк Роснан.

– А просто так жить не можете? – ехидно спросили журналисты.

– Нет, – покачал головой Марк Роснан, – просто так не могу.

– Это будет роман?

– Да, роман.

– А прочему у вас такие небольшие романы?

– Потому что я не имею права утомлять читателей.

– Своей неукротимой фантазией?

– Да, неукротимой фантазией.

– А почему вы так долго пишете свои короткие романы?

– Потому что это очень нелегко, – улыбнулся Марк Роснан.

– Ваши произведения – граненные алмазы. Как вам удается достигать такого совершенства прозы?

– О совершенстве моей прозы будет судить время, а я про-

сто отвечаю за каждое свое слово.

– Каждое ваше слово должно быть отточено, как алмаз?

– Что-то в этом роде, – улыбнулся Марк Роснан.

– Ах! – сказали все мы, нежные и впечатлительные телезрительницы, потрясенные очередной встречей со своим кумиром.

И кумира пригласили на посадку.

Нам еще показали, как он поднимается по трапу, а затем он скрылся в самолете. Но мы все точно знали, что он обязательно вернется, он непременно прилетит.

– Какой он все-таки прелесть, – сообщила нам толстая Люси Надсен, как только пришла в себя.

– Это самый интересный мужчина во всем мире, – сказала первая красавица класса Лили Найт.

– Это самый умный писатель на земле, – заявила отличница Колли Биррит, поправив на переносице очки.

Даниэль была единственная, кто так и не взглянула на экран телевизора. Она продолжала листать толстый журнал по ведению домашнего хозяйства.

И только когда мы окончательно поделились впечатлениями о самом замечательном человеке во всей нашей галактике и смогли спокойно приступить к вкусной еде и повседневным мыслям, Даниэль наконец-то закрыла журнал и оставила чашку с давно остывшим чаем на ближайший столик. Она подняла глаза и встретилась со мной взглядом.

И я поняла все. И то, что ей даже не надо было смотреть

телевизор. Ей не надо было ничего ни говорить, ни знать.

Потому что она и только она была частью этого самого умного, таинственного, неповторимого и самого замечательного человека в мире.

И об этом прекрасно знала она. И, быть может, уже догадывался он. И теперь точно знала я.

Как-то я сказала своей сестре Мине:

– Марк Роснан – это неразгаданная тайна нашего города.

На что Мина сказала:

– Нет, это Гельхиадиха – неразгаданная тайна нашего города.

– Это почему?

– Твой Марк Роснан весь как на ладони, все, о чем он думает, можно прочесть в его произведениях, а что на уме у нашей Гельхиадихи, это действительно очень интересно.

Я рот так и раскрыла, ей, видишь ли, о чем думает Гельхиадиха интересно.

– Твоя Гельхиадиха еще ничего уникального не сделала, – сказала я.

– А твой Марк Роснан с места никогда не сдвинется, чтобы кого-то полюбить, – сказала она.

– Но так не бывает.

– Бывает.

– Марк Роснан однажды совершит такой безумный поступок, который удивит весь город.

– Марк Роснан будет сидеть в своем доме и ждать, пока счастье само не постучит к нему в окно. И ни одна женщина в этом городе не увидит в его руках волшебную коробочку с кольцом.

– Наверное, какой-нибудь внучатый племянник Гельхиадихи увлечет тебя куда больше, – сказала я.

Мина раскрыла рот.

– С чего ты взяла, что у Гельхиадихи есть племянник? – удивилась она.

– Ну должен же у нее быть хоть кто-то из родственников. Однажды в город приедет какой-нибудь ее внучатый племянник, и в нашей жизни настанет время больших перемен.

– Ну не знаю, – протянула Мина, – в жизни, конечно, все бывает, но чтобы у нашей Гельхиадихи были какие-то родственники?

Через несколько дней мы с Миной поливали наш палисадник. В природе наступила большая жара, и мама сказала, что скоро завянут не только ее любимые розы, но и наши семейные фикусы. И строго-настрого предупредила, чтобы мы не вздумали лениться и вышли на улицу, а не заливали бедные растения из окна второго этажа.

Как я уже говорила, наш дом находится рядом с домом Гельхиадихи. Правда, между нашими оградами пролегает дорога – широкая, асфальтированная, она плавно переходит в пологий каменный берег, а затем постепенно уходит прямо

в реку. Интересно, зачем? Глупое место.

Сколько помню, наши с Миной головы всегда были повернуты в сторону центра города, чтобы не смотреть на дом Гельхиадихи. А когда был дождь, мы вообще предпочитали не выходить из дому, да и весь район Гельхиадихи по традиции сидел по домам.

Стихией наслаждалась одна Гельхиадиха. Она в блаженстве бегала по саду, подставляла лицо дождю и танцевала колдовские танцы.

Разумеется, мы этого никогда не видели, обо всем этом нам обычно с упоением рассказывали соседи из дома напротив, многочисленные Барлинги. Но они врут, все в городе знают, что у них окна, выходящие на сторону Гельхиадихи, ни зимой, ни летом вообще не открываются, а ведь это фасад их дома, у них даже родители верят в Гельхиадиху.

К нам в дом периодически приходили «дружить» девочки из нашего класса, они с назойливостью следователей стояли перед окнами, выходящими в сад Гельхиадихи, и трагически выглядывали в эти окна. Они надеялись, что Гельхиадиха побегает по своему саду или хотя бы подергает там сорняки.

Но Гельхиадиха не бегала и не дергала.

Тогда девочки заявляли, что у нас тут везде трагическая обстановка, и в доме и перед домом, и они больше сюда никогда не придут. Но они опять возвращались.

Мы с Миной заявляли, что ничего такого трагического у

нас тут нет, но девочки стояли на своем. И подобные концерты повторялись снова и снова.

Так вот, мы с Миной взяли шланги, прикрепили их к кранам на втором этаже дома и устроили естественный фонтан над маминым любимым палисадником. Мы ополоснули вечнозеленые фикусы, напрочь залили нежные фиалки и всю поливали розы вдоль задней ограды, как нечто странное вдруг попало в наше поле зрения на территории сада Гельхиадихи.

Некоторое время мы с Миной стояли как замороженные, но потом любопытство взяло верх над страхом и суевериями. Мы с Миной осторожно скосили глаза. Так и есть.

К нашему великому ужасу, из дома Гельхиадихи выбежала сама Гельхиадиха. В ее руках был большой черный зонт.

Гельхиадиха в растерянности остановилась посреди своего ухоженного сада, она ухаживала за ним после полуночи, как со знанием дела сообщали всем в городе болтливые Барлинги. Так вот, Гельхиадиха приложила руку ко лбу и с удивлением смотрела на чистое, без единого облачка небо. На Гельхиадихе было яркое цветастое платье, накрахмаленный передничек, волосы аккуратно заколоты широким гребнем.

Минут пять Гельхиадиха смотрела на небо и ничего не понимала. Шум любимого дождя она слышала, но над миром ярко светило солнце.

И тут она увидела нас с Миной. У нас в руках было по шлангу, из которых водопадом лила вода, и в нашем пали-

саднике уже небось и все остальные деревья затопило, а не только устойчивые к неблагоприятным метеоусловиям вечнозеленые фикусы, пока мы, онемев от ужаса, наблюдали за нашей своеобразной соседкой.

Гельхиадиха сложила зонт, выразительно погрозила в нашу сторону кулаком и обиженно поджала губы. А потом она произнесла некую таинственную фразу, которая тут же наложила глубокий отпечаток на наше дальнейшее существование.

Гельхиадиха сказала:

– Ну подождите, вот приедет мой племянник.

И гордо удалилась в дом. Мы с Миной чуть в обморок не упали со второго этажа.

Я сказала:

– О мой бог, а ведь у нее действительно есть племянник.

Мина сказала:

– Да, действительно.

И для нас с Миной начался новый жизненный этап в ожидании приезда племянника Гельхиадихи.

С самого раннего детства помимо простой школы многие в нашем городе посещали школу манекенщиц. Все девочки нашего класса тоже посещали эту школу. И там с самого раннего детства нас учили быть уверенными в себе, разбираться в красоте этого мира и в своей неотразимости.

Эта школа манекенщиц действовала на нас так же, как какие-нибудь курсы психологической помощи и самовнушения на определенный круг людей с глубокими моральными обидами и неразрешимыми проблемами. Школа раскрепощала наши души и внушала уверенность в завтрашнем дне.

Так с самого раннего детства мы не сомневались, что весь мир когда-то будет у наших ног. И все, чего бы мы ни пожелали, жизнь преподнесет нам на огромном золотом подносе.

Но на всякое действие всегда грядет противодействие, это я тоже давно поняла. И если нам в жизни предназначен внушительный список каких бы то ни было неприятностей и проблем, будьте уверены, нам уже ничто не поможет. Ни курсы самовнушения о том, что все в нашей жизни когда-то будет наконец-то хорошо, ни школы каких-то манекенщиц, ежедневно рассказывающих о том, как жизнь удивительна, красива и проста. От самой жизни никого из нас уже ничто не спасет.

И буквально каждый человек проходит в этой жизни абсолютно все.

Проблемы детства и взаимопонимания с родителями. Первые контакты с внешним миром и окружающими людьми. Вера в людей и собственные силы, многочисленные привязанности, страсть, надежда, открытие всепоглощающей любви. Разочарования, проблемы, осознание неоспоримых истин, ожидание, страх, бесконечные потери идеалов, уход в себя и новое возрождение.

Запомните: каждый человек проходит в этой жизни все.

Только каждый человек проходит все это на своем уровне. Богатые – на богатом, бедные – на бедном. Умные – на умном, а глупые – на глупом. Честные – на честном, а нечестные – на нечестном. Красивые – на красивом, а не очень красивые – нет.

Никто из нас ни от чего не застрахован, и каждый должен выйти на борьбу с жизнью один на один. Просто дети из неблагополучных семей это понимают раньше. А дети из благополучных семей этого не понимают совсем.

Вот примерно об этом я и буду скоро писать первый свой роман. Я поделюсь с миром каждой своей умной, мудрой и уникальной мыслью и тем самым облегчу существование многим людям.

С моей помощью они как можно раньше поймут, что и к чему в этой жизни. И, надеюсь, не совершат того огромного количества ошибок, которое они собрались совершить в са-

мом начале жизненного пути.

Даниэль не стала посещать школу манекенщиц. Еще чего, будет она такой же, как все. Она и в обычную школу приходила позже всех, а уходила раньше всех. Многие из одноклассниц полагали, что она делала это специально для того, чтобы выделиться.

И только я знала, что ей не нужно выделяться. Она просто была не такая, как все.

На уроках она подолгу смотрела в окна и на переменах большей частью была одна. Зато на уроках живописи с ней никто не мог сравниться, она могла нарисовать буквально все.

Все ее школьные тетради и учебники были изрисованы. Несколько тонких черточек карандаша – и перед вами хрупкие деревья, неизвестные кусты и небывалые цветы. Пара штрихов – и чье-нибудь лицо, мимолетный взгляд или улыбка.

И даже на дневнике Даниэль было что-то нарисовано. Там были нарисованы правый глаз и половина носа Марка Роснана.

Мы как увидели этот ее дневник, так все как одна рты-то и раскрыли. И даже наша вездесущая и находчивая Люси Надсен не сразу нашлась, что сказать.

Потом она все-таки что-то придумала.

– Совершенно не похож! – сообщила нам она.

А чего врать-то? Ведь и все мы, и сама Люси сразу поняли, на кого именно не похож этот рисунок. А это значило, что рисунок был потрясающе похож.

Даниэль слышала наш разговор, но ничего нам не сказала. Она только улыбнулась.

А что ей было говорить о том, о чем она и так прекрасно знала. А она прекрасно знала то, что Марк Роснан подождет, пока она вырастет, а потом женится на ней и они не расстанутся никогда.

А нам, всем остальным трепетным и романтичным жительницам этого городка, даже с нашей самоуверенной школой манекенщиц никакого общего дела с таким потрясающим писателем в этом столетии даже не светит.

Марк Роснан познакомился с Даниэль несколько дней спустя после того, как они с матерью поселились в доме напротив. С соседями всегда полагается знакомиться, и Марк Роснан тоже, как все обычные люди, старался придерживаться приличий.

Он вышел утром из дома и, прежде чем идти к гаражу за машиной, дружески помахал рукой новым соседям, которые тоже вышли на улицу. Даниэль собиралась идти в школу, а ее мать направлялась на поиски работы.

– Добрый день! – крикнул им издалека вежливый Марк Роснан.

– Добрый день, – приветливо ответили ему мать и дочь.

И они все тут же поняли, что одного приветствия будет все-таки маловато. И не сговариваясь направились друг другу навстречу.

Мать и дочь, правда, немного помедленнее, а Марк Роснан – побыстрее. Ведь хозяином ситуации был все-таки он.

Во-первых, он мужчина, а они просто две слабые женщины. А во-вторых, это он первый решил, что нужно познакомиться поближе с новыми соседями.

– Как дела? – спросил Марк Роснан, подойдя поближе.

– Все прекрасно, – с улыбкой ответила мать Даниэль.

– Меня зовут Марк Роснан, – вежливо сказал Марк Роснан.

– Очень, очень приятно, – сказала мать Даниэль, – меня зовут Джен, а это моя дочь Даниэль.

– Мне тоже очень приятно, – сказал Марк Роснан, слегка подмигнув Даниэль.

Взрослым полагается подмигивать маленьким детям. И не совсем маленьким – тоже. Ну тем, которые уже что-то в этой жизни соображают. Например, знают, где находятся четыре стороны света, и уже подозревают о том, что можно влюбиться в другого человека до конца дней своих.

Даниэль не стала улыбаться Марку Роснану, она смотрела на него серьезно и задумчиво. Как-то совершенно не по-детски. А впрочем, сейчас дети взрослеют стремительно рано, отметил про себя умный Марк Роснан. Сейчас такое сложное время.

– Понравился наш город? – спросил он.

– Очень понравился, – с вежливым восторгом сказала Джен.

Мать Даниэль была эффектная женщина «в возрасте». Светлые волосы, строгий костюм. Она прекрасно знала свои достоинства.

– У нас маленький городок, – сказал Марк Роснан.

– Да, мы заметили, – сказала Джен.

– Но интересный, – сказал Марк Роснан.

– Конечно, – сказала Джен, – очень интересный.

И она крепко задумалась: что же здесь такого интересного?

– Вулкан, например, – подсказал Марк Роснан.

Джен обрадовалась.

– Ах да, вулкан! – восторженно сказала она. – Как же я забыла?

– Вы были здесь раньше? – спросил Марк Роснан.

– Нет, – сказала Джен, – раньше мы здесь никогда не были.

– Как же вы тогда сюда попали? – удивленно спросил Марк Роснан.

– Решили попробовать пожить здесь, – пояснила Джен.

Марк Роснан, который мало что понял, вежливо сказал:

– А, понятно.

Знакомство в общем-то состоялось, обмен приличиями осуществлен, и уже можно было кивнуть друг другу на прощание и дружески расстаться.

– Желаю вам всего хорошего, – сказал Марк Роснан, – а если понадобится какая-нибудь помощь по дому или еще что-либо в этом роде, то я всегда с радостью помогу чем смогу.

И взглядом Марк Роснан постарался показать, что вообще-то он всегда ужасно занят и лучше его не трогать никогда.

– Большое спасибо, – улыбнулась Джен, – и вы – тоже. Если понадобится, например, рецепт пирога с яблоками и лимоном, или утки в сметане, или еще что-либо в этом роде, то мы тоже – всегда пожалуйста.

Марк Роснан, разумеется, оценил шутку и скрытое женское кокетство. Он улыбнулся.

– И вам тоже – большое спасибо, – сказал Марк Роснан.

Он слегка кивнул на прощание Джен, повернулся и направился к гаражу. Даниэль он больше подмигивать не стал.

Джен незаметно проводила интересного соседа взглядом.

– Какой интересный мужчина, – сказала она.

– Только не вздумай с ним кокетничать, – сказала ей Даниэль, – это мой будущий муж.

Шокированная Джен уставилась на дочь.

– Я буду приручать его как раненого зверя, – сказала Даниэль.

– Красивые слова, – пришла в себя Джен, – но раненого зверя не надо приручать, его надо лечить и жалеть.

Даниэль подумала.

– Я буду приручать его как раненого человека, – сказала она.

– Ой не могу, – простонала Джен, – у меня сейчас сумка из рук выпадет...

Даниэль встретила с Марком Роснаном через несколько дней.

Она несла из магазина большой пакет, набитый под завязку апельсинами. Зачем ей понадобился именно в этот день и в этот час полный пакет апельсинов, которые она не очень любила, никто не знал.

И несла она свой огромный пакет, не обняв и крепко прижав к себе, как все нормальные люди, а держа его за тонкие и некрепкие ручки.

И как только на горизонте возник сам Марк Роснан, который тихо и мирно подъезжал на машине к своему дому, разумеется, тонкие ручки у пакета Даниэль сразу же порвались. И все апельсины, последовательно один за другим, покатались по дороге, преградив путь машине Марка Роснана.

Все в городе сразу поняли, что это было сделано специально. Специально порвался пакет, и специально покатались апельсины.

Марк Роснан вышел из машины и стал помогать Даниэль собирать апельсины. А Даниэль не стала помогать Марку Роснану – принялась отвлекать его пустой и глупой болтовней.

– Вообще-то я апельсины не люблю, – говорила Даниэль Марку Роснану, ходя следом за ним по всей улице, – это мама их любит, она меня попросила их купить. И яблоки я тоже не люблю. Я люблю мороженое. Хотя его вредно есть. А полезно есть как раз яблоки и апельсины, которые я не люблю. Те люди, которые едят только натуральные продукты, живут долго и скучно. А те люди, которые едят что попало, живут мало и весело. А вы бы что посоветовали?

Марк Роснан, собиравший апельсины по всей дороге, посмотрел на Даниэль.

– В прошлый раз ты была менее разговорчива, – сказал

он, намекая на то, что в прошлый раз, то есть во время их знакомства, она вообще молчала и не проронила ни слова, и он только сейчас понял, как это было правильно и здорово.

– В прошлый раз я немного стеснялась, – сказала Даниэль, – мы ведь еще не были знакомы, а сейчас мы уже достаточно хорошо познакомились, и я теперь могу с вами о чем угодно разговаривать.

– Так уж и о чем угодно? – с опаской спросил Марк Роснан.

Одной рукой он держал бумажный пакет, прижав его к себе, другой рукой пытался сложить в него апельсины, а Даниэль ему совсем не помогала. Она прислонилась к капоту его машины и с улыбкой следила за его действиями.

На ней была яркая кофта, короткая джинсовая юбка, а на ногах – босоножки на огромном каблуке. Наверное, Даниэль радостно стащила их из комода своей матери.

В конце концов Марку Роснану это надоело, в такие глупые ситуации он давно не попадал.

– Если ты не будешь мне помогать, я высыплю все апельсины обратно на дорогу, – пригрозил он, – и ты будешь собирать их до самой ночи.

– О, – сказала Даниэль, – если вы так сделаете, я буду собирать их дня три, не меньше.

Марк Роснан улыбнулся.

Он помог Даниэль взять пакет и положил в него оставшиеся апельсины. Он был близко-близко, Даниэль следила за

ним не отрываясь.

Его руки, пожалуй, слишком уж взрослые и слишком усталые, были совсем близко от нее. Да, этот человек был намного старше Даниэль.

Но именно этому человеку она могла бы однажды доверить себя и свое будущее. И она поняла это сразу, едва только увидела его в окно своей комнаты в самый первый раз, когда он устраивал вечеринку в ночном саду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.